

**БЕЛЫЙ ВОСТОК РОССИИ:
ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ
И ФИНАНСОВАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ АНТАНТЫ**

Развал промышленности и торговли, паралич налоговой и таможенной систем, анархия в сфере финансов и денежного обращения – все это стало неизбежным следствием Гражданской войны и существования на протяжении сравнительного короткого промежутка времени нескольких правительств, стремившихся «лечить» многострадальную экономику Сибири и Дальнего Востока, разрушенную революцией и войной, в соответствии со своими собственными интересами и разумением, а прежде всего – выпуском собственных денег. К этому добавились столкновение экономических и политических интересов западных и восточных «союзников» и противников России, а также противостояние «белой» и «красной» экономических политик, принявшее форму экономической гражданской войны.

В этой ситуации хаоса разнообразных экономических мер, интересов и дензнаков главным средством оздоровления экономики и белого тыла в целом многим военным, политикам и экономистам антибольшевистского лагеря стало казаться возможно скорейшее и радикальное реформирование финансовой системы на занимаемых территориях.

Разнообразен был и состав реформаторов: государственники, искренне болевшие за интересы России, теоретики, строившие свои расчеты по классическим схемам функционирования западноевропейских экономик, и, наконец, представители той части российских предпринимателей

и интеллигенции, которая уже пришла к выводу о неизбежном падении Белой России и пытавшаяся сколотить себе состояние на лоббировании интересов иностранных банков и финансовых групп, невзирая на прямой ущерб интересам своей Родины.

* * *

Экономическое ослабление богатейших регионов России явилось долгожданным моментом для ее многочисленных соседей и союзников по Антанте.

Монголия, где позиции российского рубля традиционно были очень сильны и значительная часть торговых сделок производилась именно в российских кредитных билетах, всегда представляла собой «сферу жизненных интересов» Китая. Поэтому ослабление рубля наиболее ярко начало проявляться прежде всего в Монголии, где он столкнулся с агрессивным китайским капиталом, стремившимся поставить под свой контроль столь желанный для него монгольский рынок.

Первыми тревогу начали бить русские предприниматели, осуществлявшие экспортно-импортные операции между Сибирью и Монголией. 9 октября 1918 г. появилась на свет телеграмма товарища председателя Торгово-промышленного союза в Урге Першина, отправленная им из Троицкосавска в Томск, в адрес Временного Сибирского правительства, в которой описывались методы этой финансовой войны: «Китайцы через открытый здесь государственный банк Джунгойнхан ведут определенную кампанию совершенного изъятия из обращения в Монголии кредитного рубля. Начало сделано бракованием ветхих кредиток, затем с незначительными дефектами, теперь намеренно прокалывают кредитки швейной иглой и отказываются их принимать. Китайцы внушили

монголам не принимать совершенно кредитки нового образца, а теперь достигли отказа к принятию всяких кредиток, даже с малозаметными дефектами. Несколько кредитных китайских фирм открыли скупку дефектных кредиток старого образца с уценкой их на 20–30 %. Китай вошел в соглашение с монгольским правительством о выпуске в Монголии бумажных долларов Джунгойнхана, что уже проведено в жизнь. Правительственным учреждениям Монголии приказано принимать банкноты Джунгойнхана за серебряный доллар. Все это служит достаточным показателем намеренного вытеснения кредитного рубля и вообще русского влияния монголами. Русские находятся в безвыходном положении, поэтому просим Временное правительство защитить русские интересы, приняв экстренные меры воздействия на Монголию и Китай, вплоть до помощи в этом важном вопросе наших союзников»¹.

Временное Сибирское правительство, а позднее и Российское (Омское) правительство адмирала А.В. Колчака прекрасно отдавали себе отчет в том, что удержание власти зависит не только от мощи вооруженных сил, но и от состояния собственного тыла, индикатором надежности и прочности которого являлось состояние денежного обращения.

Гиперинфляция, усугублявшаяся существованием в денежном обращении Сибири огромного количества суррогатов, требовала от властей экстренных мер в области финансов. Идея о проведении масштабной реформы денежного обращения на территории, контролировавшейся вначале Временным Сибирским, а затем Омским правительством, возникла уже осенью 1918 г. В сентябре был составлен документ, названный его авторами «Эскизом схемы финансовой реформы со сметой оздоровления финансового хозяйства России».

В названной схеме констатировался тот факт, что российский рубль, по сравнению с валютами других европейских государств, являлся «как мерило ценности» наиболее крупной денежной единицей. По этой причине предметы иностранного производства легко проникали на русский рынок, несмотря на протекционистские пошлины, введенные в целях защиты российского производства.

Авторы «Эскиза» исходили из тех соображений, что на население России, достигавшее 180 млн человек, приходилось 1,6 млрд руб., то есть 8,8 денежных единиц на душу, в то время как в Германии, на долю которой приходилось до 48 % всего импорта в Россию, на 65 млн населения приходилось 3,2 млрд марок, то есть 49 денежных единиц на душу. Во Франции этот показатель составлял 120 единиц на человека.

Отметив в этой связи, что «девальвация русской денежной единицы есть обстоятельство первостепеннейшей важности и насущной необходимости, в смысле финансово-экономического воссоздания пока еще безглавой Российской федеративной республики», авторы попытались определить оптимальные размеры предстоящей девальвации.

«При нормальных обстоятельствах, – говорилось в документе, – ответить было бы нетрудно: доведемте наш рубль до паритета самой маленькой денежной единицы культурной державы. Такой единицей является франк — 0,37498 рубля.

Девальвируя рубль, правительство главным образом должно считаться с тем печальным фактом денежного состояния страны, которое заключается в обращении неимоверного количества бумажных денег в России и за границей, при почти полнейшем отсутствии золотой монеты»².

Действительно, Временное Сибирское правительство прибегало к выпуску собственных кредитных билетов и казначейских знаков, прозванных «сибирками». Администрация на местах, отдельные организации, даже частные заведения, стремясь компенсировать нехватку оборотных средств, а также мелких разменных купюр и обрести свободу действий, вводили собственные знаки обращения и тем самым только еще больше дестабилизировали денежное обращение. Осенью 1918 г. успело выпустить областные и городские разменные билеты недолго просуществовавшее в Благовещенске Амурское правительство. В 1918–1919 гг. в Харбине выпускались бонны Русско-Азиатского банка для расчетов в пределах полосы отчуждения Китайской Восточной железной дороги, прозванные «хорватовскими» по имени генерала Д.Л. Хорвата, управляющего совета директоров КВЖД, в начале 1918 г. провозгласившего себя правителем России и создавшем свое правительство (после чего остряки прозвали управляемую им полосу отчуждения КВЖД «Хорватией»), а с ноября 1918 г. ставшего главноуполномоченным верховного правителя Колчака на Дальнем Востоке. В Приамурье в 1919 г. обращались временные квитанции уполномоченного по делам снабжения Приамурской области и земские марки Амурского земства. Свои денежные знаки и чеки выпускали в 1919–1920 гг. Благовещенское отделение Госбанка и Николаевское-на-Амуре общество взаимного кредита. Как средство платежа обращались расчетные знаки кооперации (например, авансовые карточки Амурского областного союза кооперативов и областного кредитного союза)³. Разменные знаки стали вводить даже владельцы кофеен, ресторанов, парикмахерских и бань. Ресторан «Золотой рог» во Владивостоке свои эмиссионные операции повел так широко, что стал

выпускать дензнаки 50-, 100- и 150-рублевого достоинства⁴.

Подобная засоренность денежного обращения суррогатами, которая закономерно ускоряла инфляцию, была характерна и для территории, подконтрольной власти генерала А.И. Деникина⁵.

Как и на юге России, в Сибири и на Дальнем Востоке рост инфляции опережал выпуск этих денежных суррогатов, их не хватало, да и доверия к ним за границей не было никакого. «Вследствие отсутствия на Дальнем Востоке денежных знаков старого образца и мелкой разменной монеты население, торговля и промышленность находятся в критическом положении», – телеграфировал в декабре 1918 г. генерал Хорват в Омск, прося при этом либо снабдить местные банки «романовскими» или «керенскими» деньгами, либо временно допустить хождение знаков, выпускавшихся органами Советской власти – «мухинок» («мухинки» получили в обиходе название от фамилии Ф.Н. Мухина, который в 1918 г. последовательно занимал должности председателя Благовещенского совета, Амурского облисполкома и СНК Амурской трудовой социалистической республики), «краснощековок» («краснощековки» получили в обиходе название от фамилии А.М. Краснощекова, являвшегося в 1918 г. председателем Дальневосточного Совнаркома) и прочих – с последующим их организованным обменом на деньги Омского правительства⁶.

Последнее предложение было принято в качестве временной меры, но уже 25 февраля 1919 г. совет при Хорвате решил приступить к «изъятию из обращения советских бон, допущенных к обращению правительством к временному обращению в Амурской области и части Приморской, путем обмена их на

общегосударственные денежные знаки, по возможности, мелких купюр»⁷.

Попытка ослабить инфляционное давление на денежный рынок была предпринята правительством Колчака и в мае–июне 1919 г., когда специальным законом были изъяты из обращения «керенки» (дензнаки достоинством 20 и 40 руб.). Однако желаемого эффекта эта мера не принесла, и рубль продолжил свое падение, ослабленный еще более потерей доверия к национальной валюте⁸. Характерно, что и на деникинском юге России летом 1919 г. одни лишь только слухи о предстоящем изъятии «керенок» (порождены они были мерами правительства Деникина по аннулированию советских денег, которые породили у населения недоверие к бумажным деньгам вообще), вызвали форменную панику на денежном рынке, скачок спекуляции и дороговизны⁹.

После изъятия в мае 1919 г. из обращения 20- и 40-рублевых «керенок», ситуация с мелкой разменной монетой еще более усугубилась. Так, в телеграмме генерального консула России в Харбине по поводу положения харбинского рынка после этого изъятия говорилось: «В городе ощущается страшный недостаток мелких денег. Население находится в действительно безвыходном положении. Магазины и рестораны стали выдавать покупателям и клиентам сдачу различными бонами, которые они сами сделали частным образом. На базаре китайские торговцы, торгующие исключительно предметами первой необходимости, категорически отказываются от приема сибирских денег, т.е. краткосрочных обязательств Государственного казначейства... Меняльные конторы усиленно занимаются разменом и с каждым днем их число увеличивается, притом они устанавливают жестокую разницу курса при размене сибирских и больших керенок на мелкие...»¹⁰

Становилось очевидно, что полумеры по государственному регулированию денежного обращения через частичное изъятие дензнаков и их суррогатов, ограничение вывоза наличных средств за границу, бесплотные тяжбы с иностранными банками по поводу выпуска последними собственных бон и т.п. не могут нормализовать денежное обращение в Сибири. Галопирующая инфляция на фоне нехватки наличных денег требовала принятия радикальных правительственных мер.

Именно об этой ситуации и рассуждали авторы проекта. «На сколько у нас в обращении кредиток, в точности не известно. Но предположительно — не меньше 20 млрд. руб., т.е. сумма, в 12,5 раз превышающая золотой запас мирного времени». И далее предлагалось произвести девальвацию русского рубля в размере 30% его «первобытной стоимости», то есть $3 \frac{1}{3} : 1$. В результате слиток нового золотого рубля, по расчетам авторов, должен был бы содержать 5,2272 доли чистого золота; 100-рублевая монета — 522,72 доли чистого золота и должна была стать новым «империалом» Российской Федеративной республики.

И далее следовало такое рассуждение: «Легко предположить, что наш старый бумажный рубль обеспечивается исключительно природными богатствами страны; в противном случае стоимость рубля не превышала бы 3–5 центов.

А потому и девальвация рубля, как правительственная мера улучшения денежного обращения в стране, ведь не сокращает и не умаляет природные богатства России, что и наводит на размышления, что курс рубля не ухудшится, ибо прямых влияний на ухудшение последнего в связи с актом девальвации и заменой старых кредитных билетов в размере 20 млрд. рублей новыми не имеется»¹¹.

Столь святая вера авторов документа в природные богатства России, могущие стабилизировать курс национальной валюты, несомненно, лежала в русле классических представлений экономической науки мирного времени. Однако экономика России периода Гражданской войны представляла собой экономику кризисную, существовавшую в условиях инфляционных, часто панических, ожиданий населения, осуществлявшего тщательную «сортировку» денежных знаков по степени их надежности с целью создания своего рода «кризисного запаса на черный день».

Именно о таких запасах говорилось в «Совершенно доверительной записке» Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов в Министерство иностранных дел Омского правительства под наименованием «Современный момент в финансовой политике Министерства финансов» от 29 ноября 1918 г. «Хранящиеся в сундуках в народной массе» денежные средства были признаны одним из самых серьезных препятствий на пути осуществления реформы денежного обращения¹².

Авторы другого аналитического обзора, посвященного проблеме денежной эмиссии, опирались уже на более серьезные расчеты. Финансовая записка, подписанная министром финансов Омского правительства И.А. Михайловым 20 декабря 1918 г., содержала подробный анализ доходных статей бюджета, которые могли бы сыграть роль обеспечения выпуска новых денежных знаков: «...Правительство не спешило прибегать к эмиссии кредитных билетов, ограничиваясь до настоящего времени выпуском краткосрочных обязательств Государственного Казначейства сначала Сибирского, а затем и Всероссийского, и казначейских знаков мелких купюр. Такой выпуск до настоящего времени достиг суммы в 630 млн. рублей...

Производя выпуск кредитных обязательств и знаков Казначейства, Министерство финансов делает это в полной уверенности, что вся эмиссия вполне обеспечена во много раз превосходящим ее металлическим запасом, естественными ресурсами страны и постепенно налаживающейся внутренней политической жизнью.

Наш металлический запас, хранящийся в кладовых Государственного банка в Омске, достигает 45 тысяч пудов золота и 35 тысяч пудов серебра, не считая 1 000 пудов золота в слитках, находящихся в распоряжении правительства на территории Сибири и Урала, и 200–225 пудов платины, ныне скупаемой Министерством финансов.

Что касается ресурсов страны, то, пользуясь данными обследования главнейших отраслей одной лишь сибирской промышленности, возможно установить факты, позволяющие предвидеть здоровые основания будущей экономической и финансовой политики объединенной России...» И далее следовало перечисление тех самых факторов, которые, по мнению министра финансов, должны были свидетельствовать об успехе запланированной эмиссии. К таковым были отнесены рыбный промысел, промысловая охота, лесная, каменноугольная, металлургическая и золотопромышленность, а также сельское хозяйство.

Общий валовой продукт промышленности и сельского хозяйства Сибири, по мнению министра финансов, мог достигать 1 834 млн. руб. в год. Эта цифра характеризовала сумму материальных ценностей, производимых некоторыми отраслями народного хозяйства, и не учитывала эксплуатацию железных дорог, портов, морского и речного каботажного, скотоводства, крупных и мелких промышленных

предприятий, которые могли работать как на внешний, так и на внутренний рынки.

Наконец, в качестве третьего ресурса, на который рассчитывали авторы проекта, было названо урегулирование внутренней политической жизни. Анализируя состояние бюджета Омского правительства, авторы приходили к утешительному выводу о начале экономической стабилизации Сибири в конце 1918 г. Действительно, абсолютные показатели выглядели очень убедительно:

«1. Сумма текущих беспроцентных счетов с 288, 093 млн. р. на 1-е июля достигла 1 060,133 млн. р. на 1-е декабря с.г.

2. Поступления по таможенным учреждениям Сибири за 8 месяцев 1918 года выразились в 33,32 млн. р.; за сентябрь – 3,899 млн. р.; за октябрь – 12,363 млн. р.; за ноябрь – 16 622 000 р.

3. Поступление налогов в июле выразилось ничтожной суммой в 925 473 рублей; в августе – 1 588 930 рублей; в сентябре – 3 421 118 р.; в октябре – 5 440 417 рублей; в ноябре (за первые три недели) – 5 495 050 рублей, показывая прогрессивное и весьма значительное повышение вносимой населением суммы налогов.

4. Доход от ограничительной законом продажи спирта и вина с 1 023 585 р. за август 1918 г. поднялся до 20 932 049 р. 50 коп. К 1-му декабря с.г. наличные запасы спирта и вина и восстановление винокурения в полной мере обеспечит поступление в доходы казны прежней бюджетной статьи в сумме почти 1 млрд. рублей...»

Заканчивался анализ оптимистичным заключением: «Эти цифры с несомненностью доказывают оздоровление политической жизни страны, восстановление государственного инстинкта в населении и позволяют видеть те пути финансовой политики,

какими воспользуется правительство в своей работе над возрождением объединенной России...»¹³.

Однако авторы проекта, скорее всего умышленно, при оценке динамики пополнения доходных статей бюджета умело обошли вопрос об уровне инфляции. К сожалению, в настоящий момент построить кривую падения курса рубля в Сибири в 1918–1919 гг. не представляется возможным уже по той причине, что у правительственных дензнаков и у каждого из их суррогатов, имевших хождение на рынке, был свой собственный курс. Однако несомненно, что в связи с постоянным падением курса рубля подобное прогнозирование имело мало общего с реальным положением дел в экономике и отражало, скорее, инфляционное наполнение бюджета, чем реальную тенденцию оздоровления в хозяйстве Сибири.

Тем не менее, два момента из названного проекта заслуживают особого внимания. Во-первых, нормализация политической ситуации в стране была названа в качестве непреложного фактора экономической стабилизации. И, во-вторых, в качестве самого влиятельного рычага правительственного воздействия на оздоровление экономики была названа государственная монополия на «винокурение», продажу спирта и вина. Как видно из проекта, предполагаемые доходы от винной монополии были сопоставимы с доходностью всей сибирской промышленности, и намного превосходили все налоговые и таможенные поступления в бюджет.

* * *

Чем же объяснялось подобное стремление Омского правительства как можно скорее провести денежную реформу? Каковы были действительные предпосылки денежной реформы, помимо широко

обсуждавшегося в правительстве существования «плохих суррогатов» денежных знаков?

Причин было несколько.

Вопрос о денежной реформе, при всей своей кажущейся «специальности», оказался в 1918–1919 гг. в самом центре целого клубка экономических, политических и дипломатических проблем.

Прежде всего, денежный рынок Сибири и Дальнего Востока в эти годы продолжал оставаться зависимым от «денежного станка» Советской власти по объективной причине: вместе с занятой территорией белые получали и ходившие на ней советские рубли. Не имея аналогичных эмиссионных возможностей, Омское правительство, с одной стороны, испытывало хроническую острую нужду в бумажных деньгах, часто не имея возможности оплачивать первоочередные расходы бюджета на военные, продовольственные и иные нужды, а с другой – было накрепко «привязано» к советской эмиссионной политике.

Но не только эта причина, при всей своей серьезности, вызывала появление на свет многочисленных проектов девальвации рубля.

Попытки американского, японского и английского капиталов проникнуть на рынок Сибири и Дальнего Востока носили зачастую и более изощренный характер, нежели банальный вывоз сырьевых ресурсов, купленных по демпинговым ценам или просто конфискованных в счет уплаты многочисленных российских долгов. Осенью 1918 г. была предпринята попытка поставить под свой контроль все денежное обращение региона путем осуществления денежной эмиссии через специально созданный Эмиссионный банк – то есть банк, наделенный монопольным правом выпуска банкнот, организации и контроля за денежным обращением и банковским кредитом, организации безналичных

расчетов, хранения государственных резервов международных платежных средств, поддержания курса национальной валюты и валютного контроля.

Появлению на свет этого проекта предшествовала планомерная «идеологическая обработка» сибирских властей на всех уровнях – от дипломатического до предпринимательского, – призванная придать проекту создания эмиссионного банка с иностранным капиталом видимость начинания, жизненно важного для будущего России, освобожденной от большевиков.

Проверить реакцию Омского правительства на проект было решено следующим образом. Российским послом во Франции и Японии в декабре 1918 г. была предоставлена информация о том, что три иностранных банка, подконтрольных японскому капиталу, – Гонконг-Шанхайский, Индо-Китайский и Индустриальный – предполагают самостоятельно выпустить 10 млн руб. мелкими купюрами в виде билетов Государственного банка, то есть фактически начать эмиссию без какого-либо участия российских властей. Реакция Омска оказалась «резко недоуменной». «Всякое нарушение державных прав России, выражается ли оно непризнанием правительства, или самовольным возникновением иностранных банков, или слухами о выпуске иностранных денежных знаков очень чутко и быстро воспринимается населением, усиливает его угнетенное настроение и задерживает восстановление нормальной жизни...» – утверждал в своем аналитическом обзоре министр финансов Михайлов. А советник Министерства иностранных дел во Владивостоке Гревс сообщил «заинтересованным правительствам» о возражениях против проекта¹⁴.

Ознакомившись с российской точкой зрения, министр иностранных дел Франции С. Пишон «просил официально указать правительству на неудобства

возражений против выпуска мелких купюр теперь, когда союзники исследуют вопрос о помощи России, действуя по самым благородным намерениям». По его мнению, правительство Колчака, «не имея возможности выпустить самостоятельную обеспеченную эмиссию и будучи плохо осведомлено, своими независимыми действиями может причинить затруднения, которые приведут к досадным последствиям»¹⁵.

Такая обтекаемая дипломатическая формулировка, более похожая на выговор непослушному ученику, могла означать только одно: дальнейшая экономическая помощь антибольшевистской России ставится в непосредственную зависимость от согласия Омска отдать финансовый рынок Сибири и Дальнего Востока в руки «союзников».

Примерно в это же время появился уникальный по своему происхождению документ, заглавие которого достойно быть процитированным полностью: «Письмо директора Союза сибирских маслодельных экспортных объединений (имеющих 3000 кооперативных обществ в Восточной Сибири) Иосифа Окулича (ученого агронома) вице-директору политического и торгового отдела в Главное управление (Курган, Сибирь) из Парижа с проектом создания эмиссионного банка от 12 августа 1918 г».

Окулич писал о том, что ему «представляется безусловно необходимым» принять специальные неотложные меры, дабы «военное вмешательство союзников дало хорошие результаты». Ссылаясь на то, что русский рубль совершенно обесценен, население неохотно берет его в обмен на сельскохозяйственные продукты, а организация товарообмена представляется совершенно необходимой, он делал вывод, что единственным выходом из этого тяжелого положения является создание некоего «Народного Сибирского

банка», который, сверх обычных финансовых операций, мог бы иметь эмиссионное право и выполнять обязанности государственного казначейства. Для того чтобы отличить денежные знаки этого банка от русских государственных кредитных билетов, выпущенных во множестве и к тому моменту совершенно обесцененных, их следовало сделать совершенно отличными от прежних русских денег. «Ввиду условий размена и привычки Восточной Сибири и Китая к американскому доллару» – прожектерствовал далее автор, – «я полагаю, что было бы всего полезнее создать денежную единицу в виде сибирского доллара совершенно по цене аналогичного доллару американскому и канадскому».

Правление банка должно было состоять из семи человек, трое из которых назначались бы Временным Сибирским правительством, а четверо других являлись бы представителями союзников по назначению их правительств. Другими словами, вся реальная власть в созданном банке должна была принадлежать иностранцам; участие в управлении российского правительства, как видно из проекта, предполагалось ограничить представительскими функциями.

Более того, не ограничившись идеей о передаче эмиссионного права иностранным правительствам, автор проекта предлагал вытеснить с рынка русские коммерческие банки, которые, якобы, «не могут принять участия в этом деле потому, что их настоящее финансовое положение совершенно неизвестно».

Итогом эмиссионной деятельности Народного Сибирского банка должны были стать купюры, содержащие надпись: «Выплата этой суммы гарантирована Правительствами Сибири, Франции, Англии, Соединенных Штатов Америки и Японии»¹⁶.

Возможно ли предположить, что подобный проект был создан Окуличем самостоятельно и по собственной

инициативе? Возможно, однако с большим трудом. Невольно возникает мысль о другом, более осведомленном и заинтересованном авторе, нежели директор Союза сибирских маслодельных объединений. И цель настоящего автора проекта тоже вполне очевидна: создать видимость поддержки русскими торгово-промышленными кругами планируемой иностранной экспансии на российский финансовый рынок.

Перед Временным сибирским правительством настойчиво ставили дилемму: что предпочесть – финансовую стабильность или финансовую независимость? Финансовая стабилизация, достигнутая за счет передачи контроля над денежным рынком в руки иностранных правительств и банков, означала бы в итоге неизбежную потерю какого бы то ни было национального суверенитета. Присутствие в Сибири войск Антанты, беззащитная скупка и вывоз сырьевых ресурсов Сибири не были столь страшны, как станок, печатающий деньги и находящийся вне контроля национального правительства. В этих условиях военная интервенция неизбежно сменилась бы фактической экономической аннексией Сибири и Дальнего Востока, поскольку российские власти выпустили бы из своих рук один из важнейших рычагов управления страной.

Последним по времени стал проект создания Эмиссионного банка, в разработке которого принимал участие российский финансовый агент (представитель Министерства финансов) в США С.А. Угет. Банк предполагалось основать «по законам одного из заинтересованных государств». По своей форме банк должен был стать частным учреждением, однако с оговоркой: «так как таковой должен преследовать исключительно государственные задачи, то отнюдь не должны быть уступлены его акции частным лицам, а основной его капитал подлежит образованию самими

заинтересованными правительствами». Подобная туманная формулировка про «частный банк с государственным капиталом» была, несомненно, намеренной: как становится ясно из дальнейшего текста документа, авторы старались уже на стадии проекта заложить основу будущей самостоятельности создаваемого кредитного учреждения. Констатируя, что «исключительное влияние на банк будет принадлежать указанным правительствам», они обошли молчанием механизм такого влияния, отметив лишь, что «в виду чрезвычайно ответственной роли банка и крупнейшего его политического значения, правительственный контроль над ним надо считать обстоятельством благоприятным и желательным»¹⁷, но отнюдь не обязательным.

Предполагалось, что правление Эмиссионного банка будет находиться не в России, причем авторами акцентировалось внимание на том, что, «если бы имела свобода выбора, то, при настоящей конъюнктуре, естественно было бы остановиться на США (Это не значит, однако, что банк желательно образовывать по американским законам. Эти законы очень стеснительны для банка, производящего операции за границей, и поэтому возможно, что таковой целесообразнее было бы учредить в Англии, быть может, однако, с фактическим пребыванием в Америке). Много причин общефинансового, политического и экономического характера оправдывали бы указанный выбор, но, в частности, особое значение имеет близость названной страны к Сибири, где на первое время, очевидно, будет главный район деятельности эмиссионного банка»¹⁸.

Другими словами, авторами сразу оговаривалась фактическая экстерриториальность эмиссионного банка со ссылкой на, якобы, «стеснительные» американские законы, являвшиеся, на деле, значительно более

либеральными, по сравнению с законами, регламентировавшими банковскую деятельность в Великобритании. Так, по английскому законодательству (акт Р. Пиля), лимит не покрытой золотом эмиссии устанавливался в 14 млн. ф.ст., все банкноты сверх этого лимита подлежали 100-процентному обеспечению золотом. В то же время в США по закону 1913 г. существовала система, при которой разрешалось превышение размера необеспеченной эмиссии при условии уплаты особого эмиссионного налога.

Из дальнейшего текста проекта становится очевидным, что его авторы явно не предполагали обеспечивать 100-процентное золотое покрытие эмиссии российского рубля. По этой причине ссылки на, якобы, более либеральное английское законодательство являлись не чем иным, как попыткой дать «аргументированное» объяснение подобной «конспирации».

Наблюдение за деятельностью Эмиссионного банка планировалось поручить особому совету из лиц, назначенных правительствами. Непосредственное управление банком должно было находиться в руках делового правления банка из лиц, «знакомых с банковской деятельностью».

Однако главное внимание авторами проекта было уделено вопросу о «эмиссионном праве» и характере обеспечения выпускаемых банкнот. Ссылаясь на отсутствие каких-либо данных, позволяющих определить хотя бы приблизительную емкость наличного денежного рынка Сибири, авторы проекта недвусмысленно намекали, что «установление какого-либо максимума» предстоящей эмиссии «чрезвычайно нежелательно», а наилучшей ситуацией являлась бы та, при которой Эмиссионному банку была бы предоставлена «полная свобода». Единственным ограничением в его

деятельности должно было стать соотношением между фондом обеспечения и выпущенными банкнотами. Оно должно было составить 40 % и даже 33 % от суммы банкнот, – «разумеется при условии, что выкуп состоится на правильных основаниях. В противном случае... большинство держателей представят банкноты к размену»¹⁹.

Какими же ценностями правительство США предполагало обеспечивать эмиссию российских денег? Авторы проекта давали ответ и на этот вопрос: «...обеспечением могли бы служить законные денежные знаки соответственных стран, облигации государственных долгов в 80–90 % от их номинальной стоимости (быть может, даже русские золотые займы), золото (возможно, что ЭБ удастся производить скупку золота в России) и, наконец, портфель первоклассных заграничных акцептированных векселей, вытекающих из торговли с Россией (возможно было бы допустить некоторый процент иностранных векселей)»²⁰.

Рассмотрим подробнее структуру предлагавшегося обеспечения. К «первоклассным» активам относится лишь первая из перечисленных позиций – «законные денежные знаки соответственных стран». Однако формулировка «могли бы служить» ставит под сомнение действительное стремление авторов проекта обеспечивать эмиссию в раздираемой гражданской войной России, например, наличными американскими долларами. Что же остается? Облигации государственных долгов в условиях послевоенной Европы стоили немного. Крупнейшие промышленные державы переживали после мировой войны экономический кризис, в чем-то ничуть не менее острый, чем Россия. Промышленное производство в Англии после войны долгое время находилось ниже довоенного уровня, а в 1921 г. индекс промышленного производства

упал до 61 % довоенного. Лишь в 1929 г. английская экономика смогла вернуться к довоенным показателям. Сильные разрушения в северо-восточных районах Франции и общий спад производства не могли не отразиться на котировке французского государственного долга. Говорить об облигациях государственного долга Германии в послевоенные годы вообще не имело смысла: разрушенная экономика и огромные репарации надолго вытеснили эту страну с мировых финансовых рынков.

Тогда о чьих же государственных долгах шла речь в проекте? Неизбежно напрашивается предположение, что речь в документе шла о довоенных долгах, обесценившихся в ходе мировой войны и предлагавшихся теперь в качестве обеспечения эмиссии российского рубля по 80–90 % от их не рыночной, а номинальной стоимости, что с финансовой точки зрения являлось либо абсурдом, либо мошенничеством. Кроме того, широкая эмиссия банкнот под государственные ценные бумаги как таковая – существенный фактор инфляционного процесса. Следовательно, будущий российский «новый» рубль был обречен на обесценение изначально, еще на стадии подготовки его эмиссии.

Дальнейшие рассуждения авторов проекта удивляют еще более: «Банк должен быть снабжен достаточным основным капиталом (около 25 миллионов долларов); если бы, кроме капитала, правительства дотировали его также фондом обеспечения в виде государственных облигаций, то, в последнем случае, был бы достаточен основной капитал в 5-10 миллионов долларов». Иными словами, учитывая предполагавшееся обеспечение эмиссии в 33 %, «живыми» деньгами планировалось покрыть всего лишь около 6 % напечатанной денежной массы²¹. В то же время в самих США, по закону об учреждении в 1913 г. Федеральной резервной системы, предусматривалось, что не менее 40

% эмитируемых банкнот должны обеспечиваться золотом. И это в условиях достаточно стабильной финансовой системы экономически развитого государства. Сибирь в 1918 г. таковым вовсе не являлась, и столь малое эмиссионное обеспечение заведомо не смогло бы удержать рубль от обвального падения.

Еще более интересен пассаж о золоте, которое Эмиссионный банк планировал скупать в России и «закладывать» в обеспечение эмиссии рубля. Возникает естественный вопрос: скупать у кого? Вряд ли истощенное войной население обладало достаточными для продажи излишками золота. Еще менее вероятно, что счастливые обладатели собственного золотого запаса из имущих социальных групп решились бы продать его вновь созданному иностранному банку за никому неизвестные денежные знаки. Остается последний реальный источник драгоценного металла – золотой запас Российского государства, находившийся в распоряжении Омского правительства Колчака. Другими словами, в случае реализации предложенного проекта, ситуация выглядела бы следующим образом: банк печатает практически ничем не обеспеченную денежную массу, затем в добровольно-принудительном порядке передает ее Омскому правительству в обмен на реальное золото.

В том, что российским властям пришлось бы соглашаться с предложенной схемой, сомневаться не приходится: Эмиссионный банк являлся бы единственным источником наличных денег, постоянно необходимых правительству для решения военных, хозяйственных, социальных и прочих задач. Поэтому уже не вызывает удивления требование авторов проекта о том, что «банку следовало бы предоставить право пересылки валюты и перевода сумм из России за границу и обратно без испрошения на то особых разрешений

правительства. Как известно, в виду войны во всех странах существуют ограничительные меры в отношении вывоза денежных знаков и перевода сумм. Эти правила вынуждали бы банк к получению надлежащих официальных разрешений едва ли не на каждую операцию, что было бы чрезвычайно стеснительно для правильного его функционирования. Проще всего верить ему самому контроль за операциями и освободить его от надзора других правительственных органов, менее, нежели он, компетентных решать вопросы валютного обмена с Россией»²².

Особенно показательна следующая оговорка авторов проекта: «Вывоз золота в монете или слитках из России должен быть запрещен. Если бы Эмиссионному банку и удалось скупить в России некоторое количество золота, то справедливость требует, чтобы это богатство страны в ней осталось»²³. Такая оговорка несмотря на ее патриотический пафос вызывает сомнение хотя бы уже потому, что отнюдь не справедливость, а расчетливость является главным основанием принятия финансово-экономических решений. Кроме того, даже если бы такое ограничение и было наложено на банк, никто не смог бы ему помешать обменивать купленное за напечатанные рубли золото на иностранную валюту внутри страны, например через действовавшие на российском Дальнем Востоке японские банки, и вывозить уже не металл, а валютные ценности. Или же использовать какую-либо еще из многочисленных схем вывоза капитала.

Завершался проект рассуждением, заслуживающим дословного цитирования: «Выше только что упомянуто о Государственном Банке как бы в связи с учреждениями Эмиссионного банка. И действительно, что может быть естественнее для последнего, нежели занятие учреждений Государственного Банка. Эти учреждения, оторванные от своего центрального

управления и изолированные, не представляют решительно никакой ценности для регулирования денежного обращения. Между тем, Эмиссионному банку придется принять на себя все бремя заведования денежным обращением страны, так не проще было бы начать с правильного конца, принимая в свое распоряжение уже существующие органы»²⁴. С этого пункта требуются уже комментарии не экономистов, а юристов белых правительств, которые разрабатывали законы о смертной казни за спекуляцию и хищение казенного имущества.

Поражения антибольшевистских армий на фронте поставили крест на планах реформирования финансовой системы Сибири. Временное Сибирское правительство и Российское правительство адмирала Колчака за период своего правления не успели осуществить сколько-нибудь заметные реформы, которые позволяли бы говорить о существовании долгосрочной стратегии в области регулирования денежного обращения. Те вынужденные действия, которые предпринимались сибирскими властями в финансово-экономической сфере, являлись скорее неотложными мерами по поддержанию экономики региона в условиях системного кризиса, явившегося следствием Гражданской войны в России, причем мерами, как правило, запоздалыми и малоэффективными. Ситуация усугублялась активными попытками иностранных правительственных и коммерческих структур поставить под свой контроль финансовую систему Сибири, захватить внешнеторговые связи России, вытеснить российский рубль с рынков соседних государств и внедрить свои кредитные учреждения на финансовый рынок востока России, уничтожив тем самым ослабленные российские банки.

Однако следует признать, что правительства Белой Сибири за тот короткий промежуток времени,

который был отведен им для управления регионом, всеми возможными способами противодействовали подобному развитию событий, оставив под своим жестким контролем едва ли не последний символ государственной власти – право самостоятельно выпускать рубли и формировать денежный рынок своей страны.

Примечания

-
- ¹ ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 46. Л. 61.
² ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 94. Л. 2.
³ *Курсель К.П., Лукасюк А.А.* Денежное обращение на русском Дальнем Востоке с 1918 по 1924 г. Чита, 1924. С. 5–6.
⁴ *Русский экономист* (Владивосток). 1919. 2 июня.
⁵ *Карпенко С.В.* «Поход на Москву» ВСЮР в 1919 г.: война и деньги // *Экономический журнал*. 2001. № 1. С. 35–37.
⁶ *Долгов Л.Н.* Экономическая политика гражданской войны: опыт Дальнего Востока России. Комсомольск-на-Амуре, 1996. С. 66.
⁷ *Долгов Л.Н.* Указ. соч. С. 66.
⁸ ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 202. Л. 138.
⁹ *Карпенко С.В.* «Поход на Москву» ВСЮР в 1919 г.: война и деньги // *Экономический журнал*. 2001. № 1. С. 43–44; *Черниченко М.Ю.* Белая пресса как источник для изучения экономической жизни в тылу ВСЮР (1919 г.) // *Новый исторический вестник*. 2006. № 1(14). С. 112–114.
¹⁰ Там же. Л. 139.
¹¹ ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 187. Л. 5.
¹² Там же. Л. 3–6.
¹³ Там же. Л. 17–21.
¹⁴ Там же.
¹⁵ ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 46. Л. 60.
¹⁶ ГА РФ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 202. Л. 7.
¹⁷ ГА РФ. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 1. Д. 15.
¹⁸ Там же. Л. 16.
¹⁹ ГА РФ. Ф. 5863. Оп. 1. Д. 3. Л. 185.
²⁰ Там же. Л. 186.
²¹ Там же. Л. 188.
²² Там же. Л. 187.
²³ Там же. Л. 188.
²⁴ Там же. Л. 189.